

Евгений Деменок

Отшельник из Духцова

Судьбы совершенно различных и, казалось бы, далеких друг от друга людей часто переплетаются самым немыслимым и неожиданным образом.

Распутывать эти хитросплетения – увлекательнейшее занятие.

Одесса и одесситы во многом пропитались еврейским духом и характером. Любимое занятие многих моих друзей – искать, а кто же еще из знаменитых людей «наш». То же – у одесситов. Мы всюду ищем своих.

И, как ни странно, находим.

А теперь – немного истории.

В 1785 году по приглашению графа Вальдштейна в богемский замок Духцов – тогда он назывался Дукс – приезжает жить и работать скандально известный во всей Европе Джакомо Казанова. Ему было тогда шестьдесят лет.

В 1912 году из Одессы во Флоренцию уезжает учиться Марк Слоним. Перед этим он окончил 3-ю мужскую гимназию. Среди знаменитых ее выпускников – Василий Кандинский, Александр Козачинский, Сергей Королев.

Именно Марк Слоним – писатель, критик, переводчик, издатель, живший в 1922-27 годах в Праге и работавший литературным секретарем «Воли России», – предложил Марине Цветаевой опубликовать в еженедельнике «Приключение» ее драму в пяти картинах, основанную на материале четвертого тома «Истории моей жизни» Джакомо Казановы, кавалера де Сейнгаля. Пьесе «Феникс» о последних днях Казановы Цветаева переписала специально для «Воли России». А сам Слоним перевел для берлинского издания «Нева» первый том воспоминаний Казановы

и написал к нему предисловие. Это издание сейчас является библиографической редкостью.

В 1919 году из Одессы вместе с семьей уезжает в Ялту, а оттуда через Стамбул, Софию и Вену в Берлин Вера Слоним, будущая жена Владимира Набокова (она жила в Одессе на нынешней улице Белинского, 22, – там сейчас стоит Театр музыкальной комедии). Их союз называют одним из удачнейших и плодотворнейших союзов в мировой литературе; сам Набоков называл этот союз «божественным пасьянсом». Героиню самого нашумевшего романа Набокова, Лолиту, часто сравнивают с Заирой, юной русской возлюбленной Казановы.

Когда в 1937 году Набоковы решают уехать из Германии – оставаться там было небезопасно, Вера с сыном Дмитрием перебирается на несколько месяцев в Прагу, где много лет жила мама Владимира Набокова Елена Ивановна, его брат Кирилл и сестры Ольга и Елена. Свои последние годы Елена Ивановна Набокова прожила в доме на улице Коуловой, 8. Буквально на соседней улице живет сейчас журналист и писатель Иван Толстой, чей прадед, Борис Михайлович Шапиров, почетный лейб-медик двора его императорского величества, председатель лечебной комиссии Главного управления Российского общества, приятель Сергея Юльевича Витте и Даниила Кирилловича Заболотного, родился в 1851 году в еврейской семье в Одессе.

Одесса, Одесса... Всюду Одесса. Неужели и Казанова?

Увы, нет, Казанова в Одессе не жил и даже не бывал. Он умер вскоре после основания города, в 1798-м. Хотя, конечно, мог бы и успеть... Но дела в Духцове были важнее. Нужно было работать над мемуарами. Хотя... был один случай, когда судьба свела Казанову на дуэли с одним важным для Одессы человеком.

Об этом – чуть позже. А пока – Духцов.

* * *

От Праги до Духцова – чуть меньше часа езды.

Первое письменное упоминание о крепости Духцов датируется 1385 годом. Она сгорела в 1425 году и не была восстановлена. После 1473 года Павел Каплирж из Сулевиц построил новый

замок, который позже купил Вацлав Попел из Лобковиц. В 1642 году замок стал собственностью семьи Вальдштейнов.

Вальдштейны и Лобковицы – самые, пожалуй, знатные роды в Богемии. Известнейший из Вальдштейнов – генералиссимус Альбрехт фон Валленштейн (фамилию изменили для благозвучия на немецкий манер), воспетый множеством писателей, в первую очередь – Фридрихом Шиллером. В XVI-XVII веках существовало шесть основных ветвей рода Валленштейнов с резиденциями в Бртнице, Добровице, Духцове, Детенице, Ломнице и Степанице. Но нас интересует именно духцовская ветвь, которая была примечательна четырьмя бездетными братьями, жившими в эпоху наполеоновских войн. Старший, Йозеф Карл фон Вальдштейн, и приютил в Дуксе Казанову, назначив его своим библиотекарем – хотя прав и обязанностей у него было гораздо больше. Казанова являлся достопримечательностью замка и был блестящим собеседником во время организуемых графом

балов, скачек и других мероприятий. Освоившись в Духцове, он стал давать графу советы по усовершенствованию жизни и хозяйства в замке – да так, что нажил себе врагов в лице мажордома и его друзей. Ему пришлось претерпеть немало унижений, но все вознаградилось сторицей – в конце концов Йозеф Карл попросту уволил всех обидчиков Казановы.

Другие братья Вальдштейны были не менее интересны – Фердинанд Эрнст покровительствовал Бетховену, за что тот посвятил ему Вальдштейновскую сонату. Франц Адам был мальтийским рыцарем, путешественником и ботаником. Четвертый брат стал аббатом.

Тот замок в Духцове, который мы видим сегодня, был построен в 1675-1685 годах Яном Бедржихом Вальдштейном по проекту архитектора Яна Баптиста Матая. Оба были знаменитостями – Вальдштейн был шестнадцатым пражским архиепископом и великим магистром единственного чешского рыцарского ордена – Ордена рыцарей креста с красной звездой. Француз Матей построил множество знаковых зданий – это и храм Святого Франциска Ассизского на площади Крестоносцев в Праге – главный храм ордена, и Тосканский дворец на Градчанской площади, и летний дворец Трюю, и Манеж Пражского Града.

В 1707 году барочный замок в Духцове был расширен двумя боковыми крыльями. Во дворе установили четыре статуи из мастерской знаменитого скульптора Матиаша Бернарда Брауна, главного скульптора тогдашней Праги. Три скульптуры на Карловом мосту – его работы. Он же создал скульптуры, украшавшие построенную к 1722 году в Духцове дворцовую церковь Благовещения Девы Марии, строительство которой первоначально было начато Арноштом Йозефом Валленштейном по планам итальянского архитектора Марко Антонио Каневале. В украшении церкви, соединенной с южным крылом замка, участвовал один из лучших художников того времени, Вацлав Вавринец Райнер, работавший вместе с архитектором Франтишком Максимилианом Канькой, ставшим вскоре придворным архитектором императора Карла VI.

С расширением комплекса в 1731 году, после того как были построены подпорные стены, появился и княжеский сад с бассей-

нами и фонтанами, созданный как уменьшенная копия Версаля. Период барокко в замке завершился строительством графской больницы с церковью Успения Пресвятой Девы Марии, украшенной фреской Вацлава Райнера. Всех своих работников Вальдштейны лечили бесплатно.

В середине XVIII века расположенный по соседству курорт Теплице приобрел необычайную популярность. А с ним – и Дукс. Здесь театральные и музыкальные представления, банкеты и торжества. Среди известных посетителей были знаменитый либреттист Лоренцо да Понте, князь Шарль де Линь, Фридрих Шиллер, Иоганн Вольфганг фон Гете, Людвиг ван Бетховен, Фридерик Шопен и другие выдающиеся личности. Остановливался в Духцове и российский император Александр I.

Вот в таком вот замке и провел последние тринадцать лет своей жизни Джакомо Казанова.

Приехавший в Духцов Казанова был уставшим шестидесятилетним мужчиной, давно познавшим неудачи на любовном фронте. Кстати, по современным меркам он был вполне целомудрен – исследователи подсчитали, что за свою жизнь он имел близкие отношения со ста тридцатью примерно женщинами. То есть с тремя женщинами в год. Число вовсе не шокирует, правда?

К моменту приезда в Духцов за спиной Казановы были тысячи километров путешествий по Европе, знакомство с сильными мира сего – европейскими монархами, папами, кардиналами, общение с Вольтером, Гете и Моцартом, скандалы, тюремные заключения и побег – собственно, первая слава пришла к нему после побега из венецианской тюрьмы Пьомби. И тихий провинциальный Духцов казался ему чуть ли не темницей. Он порывался убежать, уехать – в Дрезден к родным, в Вену, Прагу, – но обязательно возвращался. Все же годы были уже не те, да и не ждали его нигде. А у Вальдштейнов были кров, стол, книги... И постепенно Казанова свыкается. Что еще делать в тихом городке с долгими зимами, как не вспоминать и писать?

А писать было о чем.

Он видел множество людей и стран и перепробовал множество профессий. Родившийся в семье актера и танцовщика Гаэтано Джузеппе Казановы и актрисы Дзанетты Фарусси первенец был

не только вундеркиндом – в двенадцать лет он поступил в Падуанский университет и в семнадцать его окончил, – но и, как сказали бы сейчас, мультипотенциалом. То есть человеком, который при благоприятных условиях может по своему выбору развить до высокого уровня столько компетенций, сколько захочет. Начав с церковной юриспруденции и даже будучи посвященным в послушники, он вскоре бросил это занятие и пробовал

себя в медицине, был одно время офицером Венецианской республики, подрабатывал скрипачом, был референтом сенатора, организовал во Франции первую лотерею, продавал в Голландии облигации, основал свою мануфактуру, занимался коммерческим шпионажем и работал на инквизицию. А еще был масоном, оккультистом, выдавал себя за розенкрейцера и алхимика...

Правда, многие современники считали, что амбиции Казановы были велики, а достигнутые им успехи второсортны. Лоренцо да Понте, либреттист Моцарта, которому, возможно, Казанова давал советы, касающиеся либретто оперы «Дон Жуан», писал о нем: «Этот необычный человек никогда не любил оказываться в неловком положении». А князь Шарль де Линь, австрийский фельдмаршал и дипломат, служивший одно время у Потемкина и друживший с Казановой, писал о нем: «Единственными вещами, о которых он ничего не знал, были те, где он считал себя знатоком: хороший вкус, правила танца и устройство мира. Только его комедии не смешны; только его философским сочинениям не хватает философии – все остальные наполнены ею; там всегда есть что-то веское, новое, пикантное, глубокое. Он – кладезь знаний, но цитирует Гомера и Горация до тошноты. Его ум и его остроумия подобны аттической соли. Он чувственен и щедр, но огорчи его хоть чем-нибудь – и он становится неприятен, мстителен

и мерзок... Он ни во что не верит, но только лишь в невероятное, будучи суеверным во всем. К счастью, у него есть честь и такт... Он любит. Он жаждет получить все... Он горд, потому что ничего из себя не представляет...». И, несмотря на все это, де Линь признается: «Это самый интересный человек нашей эпохи. Кажется, что на свете нет ничего, на что бы он не был способен».

Внешность Казановы де Линь описывал так: «Он был бы красив, когда бы не был уродлив: высок, сложен, как Геркулес, лицо смуглое; в живых глазах, полных ума, всегда сквозит обида, тревога или злость, и оттого-то он кажется свирепым. Его проще разгневать, чем развеселить, он редко смеется, но любит смешить; его речи занимательны и забавны, в них есть что-то от паяца Арлекина и от Фигаро».

Казанова был высок, очень высок. Особенно для своего века. А женщины всегда любопытны...

Казанова, кстати, умел дружить. И находить покровителей. А еще – постоянно пробовал свои силы на литературном поприще. Собственно, писали в то время очень и очень многие. Тот же князь де Линь оставил после себя тридцать четыре тома записок. Другой друг Казановы, французский министр иностранных дел, кардинал Франсуа Иоаким Пьер де Берни, писал стихи и поэмы, да так много, что хватило на два собрания сочинений.

Казанова не отставал. Его главное сочинение, «История моей жизни», насчитывает двенадцать томов и более трех с половиной тысяч страниц. А до этого были написаны: комедия «Моллюккеида», трехтомная «История смуты в Польше», пятитомный утопический роман «Икозамерон» – одно из самых ранних научно-фантастических произведений, сделан ряд переводов на итальянский, в том числе «Илиады» Гомера. Первым значимым переводом стала трагедия Каюзака «Зороастр», которая была поставлена в феврале 1753 года в Королевском театре Дрездена итальянской труппой. Дрезден был городом для Казановы важным и близким – там жили его мать, два брата, Франческо Джузеппе и Джованни Баттиста, и сестра Мария Маддалена. Оба брата стали художниками. Франческо Джузеппе – знаменитым баталистом, Джованни Баттиста – профессором Дрезденской академии художеств, а после и ее руководителем.

В этой самой итальянской труппе в Дрездене выступала и мама Казановы. Дзанетта Фарусси сделала успешную артистическую карьеру. Сам Карло Гольдони написал для нее комедию. Правда, у нее ничего не получилось в России – как и у ее знаменитого сына, зато она успешно гастролировала в Лондоне и Варшаве и пользовалась популярностью в Дрездене. А во время Семилетней войны она нашла себе убежище не где-нибудь, а в Праге.

Может быть, склонность к флирту и адюльтеру у Казановы – от матери? Поговаривали, что сам он был на самом деле сыном Микеле Гримани, владельца театра в Венеции, богатого патриция, сенатора, а отцом родившегося в Лондоне его брата Франческо был принц Уэльский, ставший вскоре королем Георгом II...

Как бы там ни было, вспоминая первый контакт с Беттиной Гоцци, которая ласкалась с ним, одиннадцатилетним мальчиком, он вспоминал: «Девушка мне сразу понравилась, хотя я не совсем понимал, почему. Именно она постепенно разожгла в моем сердце первые искры того чувства, которое потом стало моей главной страстью».

Эта главная страсть принесла Казанове множество неприятностей, но удовольствия гораздо больше. И, в конце концов, разве мы сейчас помнили бы о нем, если бы он этой самой страсти не предавался? А главное – не описал бы ее в своих воспоминаниях?

Начинаются они так: «Я начинаю, сообщая своему читателю, что судьба уже воздала мне по заслугам за все то хорошее или плохое, что я совершал в течение своей жизни, и потому я вправе считать себя свободным... Вопреки возвышенным моральным началам, неотвратимо порожденным божественными принципами, укорененными в моем сердце, всю жизнь я оставался рабом своих чувств. Я испытывал наслаждение от того, что сбивался с пути, я постоянно жил неправильно, и единственным моим утешением было лишь то, что я осознавал свои прегрешения... Мои безрассудства суть безрассудства юности. Вы увидите, что я смеюсь над ними, и если вы доброжелательны, то позабавитесь над ними вместе со мной».

Экскурсовод в Духцове рассказал нам, что к моменту приезда туда Казанова изрядно подрастерял свое обаяние. А характер у него был непростым всегда. Поэтому мелкие пакости от при-

слуги были нередки. Пришлось учить немецкий – по-французски или по-итальянски эта самая прислуга не говорила. Для более легкого «вхождения» в язык Казанова попросил приставить к нему молоденькую девушку, дочь привратника Анну Доротею Клеер. Вскоре она забеременела. Но... не от него, а от жившего неподалеку молодого художника Шетнера.

Оставалось одно – всецело отдаться интеллектуальному труду. Который он любил не меньше. Ну ладно, немного меньше.

Но переписывать сорок тысяч томов библиотеки Вальдштейна было скучно. И Казанова взялся за сочинительство. Сначала он описал самый звездный момент своей биографии – побег из венецианской тюрьмы Пьомби, из которой до него, да и после, бежать не удавалось никому. Писал на французском – самом популярном тогда языке Европы. Попав в Пьомби, он страдал не только от тяжелых условий содержания и от одиночества – он был там лишен в первое время возможности писать, ему попросту не давали пера и бумаги. «Если узник причастен к изящной словесности, дайте ему письменный прибор и бумаги: горе его станет на девять десятых меньше», – напишет он позже в своих «Мемуарах». Кстати, воспоминания о побеге перевел позже на русский брат Достоевского, Михаил Михайлович, а сам Федор Михайлович написал к ним предисловие.

На титуле книги указано, что она была издана в Лейпциге в 1788 году. На самом деле печатали ее в Праге – так же, как и написанную после этого сатирическую фантастическую утопию «Икозамерон, или История Эдуарда и Элизабет, прошедших восемьдесят один год у мегамикров, коренных жителей Протокосмоса в центре земли». Многотомный «Икозамерон» был написан в подражание великим утопистам прошлого (Сирано де Бержераку, Кампанелле, Мору) и рассказывал о подземной империи мегамикров, двуполых людей, питавшихся грудным молоком и сумевших создать цивилизацию по последнему слову тогдашней техники. Скучнейший роман ожидал полный провал. «Чтобы дочитать «Икозамерон», чудовище среди утопических романов, надо обладать овечьим терпением в ослиной шкуре», – написал в очерке о Казанове Стефан Цвейг, который ему, в принципе, симпатизировал.

Ну а потом он принялся за мемуары. Они описывают жизнь Казановы только до 1774 года, хотя полностью называются «Histoire de ma vie jusqu'à l'an 1797».

Написание мемуаров скрасило его последние годы – годы, наполненные мелкими склоками с прислугой замка, особенно с мажордомом Фельдкирхнером, подступающей немощью, болезнями и одиночеством. Он писал их – и возвращался в свое прошлое, блестящее и увлекательное.

Эти мемуары стали для него пропуском в бессмертие.

В Духцове и сейчас можно увидеть библиотеку, в которой работал Казанова. За книжными полками – тайная дверь, которая внезапно открывается, и за ней можно увидеть фигуру его самого, сидящего с пером над рукописью. А еще – бильярдный салон и стол, на котором играл Казанова. Его комнаты – кабинет, спальню с кроватью. В библиотеке – последнее письмо, написанное им 26 мая 1797 года Элизе фон дер Реке, жившей тогда в Дрездене немецкой писательнице и поэтессе, судьба которой была также потрясающе интересной: она дружила с Гете и Шиллером, а еще – с «коллегой» Казановы по цеху, авантюристом графом Калиостро. Поначалу мистически настроенная, она вскоре разочаровывается в Калиостро и в 1787 году публикует в Санкт-Петербурге свою первую книгу с разоблачениями его афер «Описание пребывания в Митаве известного Калиостра на 1779 год и произведенных им тамо магических действий, собранное Шарлотою Елисаветою Констанциею фон дер Реке, урожденной графинею Медемской».

Вильгельм Кюхельбекер, посетивший ее в Дрездене, писал в своих «Отрывках из путешествия»: «Элиза фон дер Реке, урожденная графиня Медем, величественная, высокая женщина, она некогда была из первых красавиц в Европе; ныне, на 65-м году жизни, Элиза еще пленяет своею добротою, своим умом, своим воображением – фон дер Реке была другом славнейших особ, обессмертивших последние годы Екатерины века: великая императрица уважала и любила ее, уважала особенно, потому что ненавидела гибельное суеверие, которое Каглиостро и подобные обманщики начали распространять уже в последние два десятилетия минувшего века».

Калиостро был не так удачлив, как Казанова, – за чернокнижничество и мошенничество он был приговорен к сожжению заживо, но папа Пий VI заменил смертную казнь пожизненным заключением. Бежать из тюрьмы ему не удалось, и, просидев в ней четыре года, он умер – то ли от эпилепсии, то ли от яда, подсыпанного тюремщиками. Он вообще существенно отличался и от Казановы, и от графа Сен-Жермена, третьего главного авантюриста XVIII века, – Калиостро не был силен ни в науках, ни в творчестве. А вот граф Сен-Жермен был необычайно одаренным – активно участвовал в политике, сочинял музыку, разбирался в медицине. Казанова даже немного завидовал ему – и писал с негодованием и восхищением: «Этот необычайный человек (Сен-Жермен), прирожденный обманщик, безо всякого стеснения, как о чем-то само собою разумеющемся, говорил, что ему 300 лет, что он владеет панацеей от всех болезней, что у природы нет от него тайн, что он умеет плавить бриллианты и из десяти-двенадцати маленьких сделать один большой, того же веса и притом чистойшей воды».

В мемуарах Казанова даже описал случай, когда ему пришлось в последний раз встретить Сен-Жермена. Это произошло в доме самого графа. Граф попросил у Казановы монету, тот дал ему двенадцать су. Бросив на нее маленькое черное зернышко, Сен-Жермен положил монету на уголь и разогрел его с помощью паяльной трубки. Спустя две минуты раскалилась и монета. Через минуту она остыла, и Сен-Жермен дал ее Казанове. «Я стал рассматривать монету. Теперь она была золотой. Я ни на миг не усомнился в том, что держал в руках свою монету <...> Сен-Жермен просто не мог незаметно подменить одну монету другой». Затем добавляет: «Та монета действительно выглядела золотой, и два месяца спустя в Берлине я продал ее фельдмаршалу Кейту, проявившему большой интерес к необычной золотой монете в 12 су».

Вроде бы Сен-Жермен даже предлагал Казанове помощь в превращении в юношу маркизы д'Юрфе, финансовой помощью которой тот долго и успешно пользовался. Казанова отказался, но и сам провалил эту аферу, после чего многолетняя покровительница окончательно в нем разочаровалась.

И все же Сен-Жермен вызывал у Казановы уважение: «Как ни странно, как будто помимо моей воли, безотчетно граф изумляет меня, ему удалось меня поразить...». Или вот еще: «Он был высоким, ученым, говорил отлично на большинстве языков, был великим музыкантом, великим химиком и лицом был приятным».

Смерть всех троих – Казановы, Калиостро, Сен-Жермена – завершила собой эпоху. Галантный XVIII век, позволивший выбиться на самый верх таким ярким личностям, уходил, и итог ему подвела безжалостная Французская революция, которая так ужаснула Казанову.

Прошло буквально двадцать лет, и появился миф об утерянном золотом времени... Так что книга Казановы, начавшая печататься в 1822 году, поспела вовремя. Казанова шагнул с нее в этот новый век, век рантье, в великолепии своих бесчисленных любовных приключений, заставив печально вздыхать все будущие поколения женщин.

Потому на духцовском кресле, в котором он умер, всегда лежит свежая красная роза.

Но до триумфа рукописи пришлось пережить приключения. Ее ждала удивительная судьба. Несмотря на то, что права на все свои сочинения Казанова передал Вальдштейну, мемуары он хотел опубликовать сам. Не послушав рекомендаций князя де Линя, который стал одним из первых читателей рукописи, он попросил о публикации графа Марколини ди Фано, саксонского кабинет-министра. Но ди Фано (кстати, умерший в Праге) не захотел связываться с такой легкомысленной книгой. Это было в 1797-м. А в 1798-м, предчувствуя скорую смерть, Казанова попросил живущих в Дрездене родственников приехать к нему за рукописью. Карло Анджелини, муж Терезы, дочери его недавно умершего брата Джованни, незамедлительно приехал в Дукс. После смерти Казановы – Тереза и Джованни и хоронили великого авантюриста – он привез рукопись в Дрезден, однако вскоре умер, и она осталась у его дочери Камиллы.

После окончания наполеоновских войн Марколини вспомнил о ней и предложил за нее опеку несостоятельной Камиллы 2500

талеров. Тот решил, что этого слишком мало. Но спустя всего несколько лет, в 1821-м, финансы семьи Камиллы начали «петь романсы», и они все же продали рукопись, но уже за... 200 талеров. Покупателем стал издатель Фридрих Брокгауз. Да-да, тот самый, который «Брокгауз и Ефрон». По его просьбе немецкий писатель Вильгельм фон Шютц перевел мемуары на немецкий. Успех был велик, и французский издатель Виктор Турнашон, отец знаменитого фотографа Надара, пиратским образом издал переведенные с немецкого на французский мемуары. В ответ на это их издал на французском и сам Брокгауз. При этом каждый раз текст подвергался корректировке для все большего «соблюдения приличий». Все последующие переиздания мемуаров на других языках – до 1960 (!) года – были переводами этого искаженного издания.

А все это время рукопись на французском лежала в сейфе издательства в Лейпциге. Когда в 1943 году здание разбомбила авиация союзников, в нем сгорело почти все, кроме рукописи. В июне 1945-го на американском военном грузовике ее перевезли в новое здание издательства в Висбадене. И лишь в 1960-м в результате сотрудничества издательства «Брокгауз» с французским издательством «Плон» оригинальная рукопись была наконец издана на французском.

Сейчас мемуары Казановы переведены более чем на двадцать языков и выдержали более четырехсот изданий, в основном на французском, немецком и английском языках. А в 2010 году благодаря поддержке анонимного донора рукопись была приобретена Национальной библиотекой Франции за более чем семь миллионов евро – это самое дорогое приобретение библиотеки на сегодняшний день.

Как же так получилось, что авантюрист Казанова удостоился такого же, если не большего, восторга и внимания со стороны читателей, ученых и обывателей, как и его великие соотечественники Данте, Макиавелли, Петрарка?

Дело в том, что читатели каждой новой эпохи находили в его воспоминаниях что-то важное для себя – мечтательное или сокровенно-интимное. Сначала его любили за то, что он выдающийся авантюрист, готовый будни превратить в праздник. Позже, с ужесточением цензуры, на первый план вышли его будuarные победы. Далее, на рубеже столетий «своим» сочли его приверженцы нищестанства – этот искатель приключений был полной противоположностью декадентам и учил полнокровной, насыщенной жизни и максимальной реализации заложенного в человеке потенциала.

Такая громкая слава даже начала раздражать некоторых итальянцев.

«В наши дни Казанова стал чем-то вроде спагетти, мандолины и «Санты Лючии» – тем, что ассоциируется с итальянцами за пределами Италии, не вызывая при этом особого уважения или симпатии. Для иностранцев Казанова – это в меру смазливый итальянец, пользующийся некоторым успехом у женщин», – это слова Марчелло Мастроянни.

Казанова и вправду давно стал мифом. И для многих слился в одно целое с Дон Жуаном – вымышленным персонажем. Но на самом деле они настолько различны, что об этом написана не одна книга.

«Испанский Дон Жуан, немецкий доктор Фауст, англичанин Байрон и француз Бодлер – все они, прежде всего, вечно неудовлетворенные... Казанова же при первом же поцелуе фаустовской Маргариты ощутил бы себя на седьмом небе и пожелал остановить мгновенье», – фрагмент из книги «Казанова про-

тив Дон Жуана» возлюбленной Бенито Муссолини, Маргериты Сарфатти.

Вне всякого сомнения, Казанова не раз вспоминал о своем испанском «предтече», когда описывал историю собственной жизни. Среди его бумаг в Духцове даже были найдены две сцены, предназначавшиеся для оперы Моцарта «Дон Жуан», но не вошедшие в нее. И, работая над своим собственным образом, он мог сознательно противопоставлять его традиционному, негативному образу обольстителя.

Ему это удалось. Он вошел в историю романтиком.

4 июня 1798 года Казанова скончался. «Я жил, как философ, и умираю, как христианин», – его последние слова прозвучали как эпитафия. Он был похоронен возле маленькой часовни Святой Варвары, неподалеку от замка. Позже могила была утеряна. Сейчас на стене церкви установлена табличка с надписью: «Jakob Casanova. Venedig 1725 – Dux 1798».

Казанова умер. Начала жить легенда о нем. И появляться все новые и новые почитатели.

Одной из его почитательниц была Марина Ивановна Цветаева.

* * *

Летом 1922 года в одном из берлинских кафе на Курфюрстендаме поэт Саша Черный познакомил Марка Слонима с Мариной Цветаевой.

«Я был в то время литературным редактором пражской «Воли России»: сперва ежедневная газета, она стала затем еженедельником, и мы собирались в ближайшем будущем превратить ее в ежемесячный журнал, – вспоминал Слоним. – Я предложил Цветаевой дать нам стихи и по приезде в Прагу зайти в редакцию в центре города, на Угольном рынке. <...> Услыхав, что редакция находится в пассаже XVIII века с ходами, сводами и переходами и занимает помещение, где в 1787 году Моцарт, по преданию, писал своего «Дон Жуана», в комнате с балконом на внутренний двор, МИ совершенно серьезно сказала: «Тогда я обещаю у вас сотрудничать». Я предупредил ее о политическом направлении журнала – мы были органом социалистов-революционеров. Она ответила скороговоркой: «Политикой не интересуюсь, не разбираюсь в ней, и уж, конечно, Моцарт перевешивает». Я до сих пор убежден, что именно Моцарт повлиял на ее решение».

Марина Цветаева пришла в редакцию после переезда в Прагу, в ноябре 1922-го. «После кратких деловых разговоров мы с МИ пошли в кафе «Славия» против Городского театра, у моста через Влтаву, и там просидели добрых часа два, беседуя на разные темы. В то время я готовил предисловие к первому тому воспоминаний Казановы для берлинского издательства «Нева» (он появился в 1923 году, а второй том так и не вышел, «Нева» должна была закрыться из-за отсутствия средств, как и большинство русских литературных предприятий тех лет).

<...> К моему удивлению, МИ не только отлично знала Казанову и была очарована этим неукротимым любовником и авантюристом, но и написала о нем несколько пьес в стихах. Мы тотчас же условились, что она даст для «Воли России» «Приключение» – драму в пяти картинах, основанную на материале четвертого тома «Истории моей жизни» Джакомо Казановы, кавалера де Сейнгаля. Кроме того, она обещала дополнить и несколько переделать для нас «Конец Казановы», выпущенный с искаже-

ниями в Москве, и дать ему новое название – «Феникс». У нас тотчас же загорелся спор насчет эпитафии к «Приключению». МИ перевела его – «Вы позабудете и Генриетту», а я – «Ты забудешь также и Генриетту». Возлюбленная Казановы Генриетта вырезала алмазом эту надпись на оконном стекле гостиничной комнаты, где они любили друг друга, – он нашел ее через пятнадцать лет на том же стекле и заплакал, потому что предсказание сбылось. Я был поражен, с какой страстью МИ отстаивала свою версию и приводила самые неожиданные аргументы. «Но ведь это мелочь», – попытался я остановить ее. «Мелочь? – спросила она с каким-то зловещим присвистом, точно я был повинен в богохульстве. – Выбор слов – самое важное».

Вот какими словами Цветаева описала Казанову:

«Казанова, 75 лет. Грациозный и грозный остов. При полной укрощенности рта – полная неукрощенность глаз: все семь смертных грехов. Лоб, брови, веки – великолепны. Ослепительная победа верха.

Окраска мулата, движения тигра, самосознание льва. Не барственный: царственен. Сириновый камзол, башмаки на красных каблуках времен Регентства. Одежда, как он весь, на тончайшем острие между величием и гротеском.

Ничего от развалины, все от остова. Может в какую-то секунду рассыпаться прахом. Но до этой секунды весь – формула XVIII века».

Думаю, великому итальянцу такая характеристика точно бы понравилась.

Ах да, совсем забыл.

5 марта 1766 года Казанова стрелялся на дуэли графом Священной Римской империи, великим коронным гетманом, генерал-аншефом Франциском Ксаверием Браницким, в России известным как Ксаверий Петрович Браницкий. Конфликт был спровоцирован первой танцовщицей варшавского театра Анной Бинетти, которая была в то время любовницей Браницкого, с другой танцовщицей, фавориткой короля Станислава II Августа Понятовского Катериной Гаттаи Томатис. Браницкий спровоцировал Казанову на дуэль, в результате чего Казанова был ранен совсем легко, а сам Браницкий – тяжело.

Позже, поступив на русскую службу, Браницкий женился на племяннице князя Потемкина, Александре Васильевне Энгельгардт. Его дочь, Елизавету Ксаверьевну, все мы знаем по стихам и рисункам Пушкина. Вместе со своим мужем Михаилом Семеновичем Воронцовым, генерал-губернатором Новороссии, они похоронены в одесском Спасо-Преображенском кафедральном соборе.

И вот что еще интересно. Младший брат мужа той самой варшавской танцовщицы, Катерины Томатис, Томас, служивший в русской армии под начальством Суворова и ставший после штурма Измаила его адъютантом, участвовал также и в штурме Праги.

– Но ведь Суворов никогда не штурмовал Прагу! – воскликнете вы. И будете совершенно правы. Совершенно, но не совсем. Его войска 4 ноября 1794 года штурмовали другую Прагу – предместье Варшавы на правом берегу Вислы. Резня в Праге привела к подавлению Польского восстания 1794 года, а Суворов получил за нее высший воинский чин фельдмаршала.

Теперь, кажется, все.

Удивительная штука история!

